

Наталья Борисовна ГРАМАТЧИКОВА¹

УДК 821.161.1+82.0

**ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ
МАЛОГО УРАЛЬСКОГО ГОРОДА:
ОБРАЗЫ ИРБИТСКОЙ ЯРМАРКИ
В ОЧЕРКИСТИКЕ XIX ВЕКА**

¹ кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник, Центр истории литературы,
Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
n.gramatchikova@gmail.com; ORCID: 0000-0002-2585-7399

Аннотация

Статья посвящена ключевому образу историко-культурного ландшафта Ирбита — ирбитской ярмарке. На материале очерков XIX века рассмотрены три основные тенденции в изображении ярмарочных сезонов Ирбита, которые выступают как доминирующие в разные десятилетия. В экономических очерках Е. А. Вердеревского и А. Г. Хитрова впервые были определены отличительные особенности Ирбитской ярмарки, заявлены важные для торгующего сообщества темы «доверия» и «загадки» ярмарки. Вторая тенденция описания, развивающаяся в письмах Е. А. Вердеревского и путевых очерках Н. Д. Телешова, разрабатывала образ ярмарочного сезона как карнавала, предоставляя богатый материал для осмысления ярмарки как дистопии (М. Фуко), с особыми пространственно-временными отношениями, взаимосвязью изолированности и проницаемости. Третья тенденция изображения обнаруживается в очерках уральцев Д. Н. Мамина-Сибиряка и К. Д. Носилова, направленных на оздоровление общественных нравов. В их текстах ярмарка становится своеобразным провоцирующим ландшафтом, одновременно притягивающим и отталкивающим авторов.

На протяжении всей истории Ирбитская ярмарка сохраняет привлекательность для этнографов, литераторов и фольклористов в качестве репрезентации широкого спектра

Цитирование: Граматчикова Н. Б. Историко-культурный ландшафт малого уральского города: образы ирбитской ярмарки в очеркистике XIX века / Н. Б. Граматчикова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2021. Том 7. № 4 (28). С. 115-135.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-115-135

социальных слоев и этнических групп. При этом единого нарратива о ярмарке не складывается. К концу XIX века уральская литература сосредоточена на описании и разоблачении стихийных разрушительных сил, овладевающих сообществом и человеком в дни ярмарки, тогда как именно в это время местное купеческое сословие использует язык архитектуры для манифестирования собственной коллективной идентичности.

Нарастающий разрыв обнаруживает свою принципиальность во время радикального переосмысления историко-культурного наследия Ирбита в 1920-1930-е гг.

Статья соединяет локальные «ярмарочные сюжеты», сопоставляет взгляды «извне» и «изнутри», уплотняет описание регионального литературного контекста.

Ключевые слова

Ярмарка, очеркистика, дистопия, провоцирующий ландшафт, купечество, образ города, травелог.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-115-135

Введение

Под историко-культурным ландшафтом (далее — ИКЛ) мы понимаем исторически сложившийся на определенной территории своеобразный природно-культурный комплекс, признаваемый обществом в качестве объекта культурного и природного наследия, т. е. наделенный ценностным содержанием. Понятие историко-культурного ландшафта позволяет нам рассматривать эволюционную составляющую культурного ландшафта, как его понимает культурная география [10].

Работая с концептуализацией территории в литературных произведениях, мы наблюдаем двусторонний процесс: с одной стороны, художественная образность буквально напитывается «плотью и кровью» места, с другой — происходит овеществление ментальной образности текстов в реальных физических объектах. Взаимопроникновение материального и ментального образует плотный культурный ландшафт, обладающий способностью и потребностью быть прочитанным, как внешним, так и внутренним, «местным» читателем. Механизмы связи различного рода «текстов», если понимать их широко, в значении кодов или языков, образующих ИКЛ, чрезвычайно интересны в каждом конкретном случае: они позволяют объяснить разную судьбу мест, прояснить работу памяти, а также сопоставить ряд проективных и ретроспективных образных проекций места, запечатленных текстуально.

В данном случае мы сосредоточимся на амбивалентности историко-культурного ландшафта Ирбита — одного из старейших городов Урала и Зауралья, и на вкладе литературы в его формирование. В настоящее время Ирбит входит в состав Свердловской области, население его составляет около 36 000 человек, что позволяет рассматривать его как малый уральский город. Однако в прошлом Ирбит был уездным городом Пермской губернии и благодаря своему географическому положению — почти на равном расстоянии к северу (около 200 км) между Екатеринбургом

и Тюменью — в большинстве источников XIX века зовется городом сибирским или зауральским. Свообразие и сезонность хозяйственной жизни горожан были определены богатой дореволюционной ярмарочной историей, сформировавшей сильную локальную идентичность. Советская же история Ирбита содержала как унифицирующие факторы (прекращение активной торговой ярмарочной деятельности, размещение в городе эвакуированных промышленных предприятий и др.), так и уникальные, обеспечившие городу неофициальное звание «мотоциклетной столицы России».

Ирбеевская слобода, основанная в 1631 году, получила статус города по указу Екатерины II, таким образом отметившей экономические успехи и верность престолу ирбитского купечества. Готовясь к столетию этого события, в 1874 году ирбитчане заказали проект памятника императрице М. О. Микешину, автору известного памятника Екатерине Великой в Санкт-Петербурге. Бронзовый памятник Екатерине был установлен в феврале 1883 года на Торговой площади (позднее — Екатерининской), став одной из символических доминант локальной идентичности и репрезентацией сословной гордости купечества.

Ярмарочная специализация определила характер планировки и архитектурных доминант города после опустошительного пожара 1790 года: пять улиц-лучей сходились к просторной центральной торговой площади с гостиним двором и собором, напоминая «невский трезубец» Санкт-Петербурга. Для центральной части города была характерна квартальная планировочная структура¹. Таким образом, в ирбитской топографии закрепляется несколько сюжетов, подчеркивающих связь города со столицей.

Ирбитская зимняя ярмарка, первоначально проводившаяся на Богоявление, открывала ярмарочный сезон России, пробуя спрос и цены на предстоящий сезон. По оборотам ирбитская ярмарка была второй в России, уступая только нижегородской (летней и «водной»), а по темпам роста опережала ее. Географическое положение Ирбита позволяло ему связывать не только Европейскую Россию и Урал с Сибирью, но и малопродуктивный север с производящим югом, совмещая узловый сборный, узловый распределительный и оптовый типы ярмарочной торговли [7, с. 144].

Методология

В статье рассматривается литературная проекция историко-культурного ландшафта Ирбита. Методология исследования носит междисциплинарный характер: с одной стороны, она основывается на классических для литературоведения методах анализа художественного мира литературного произведения, его мотивной

¹ К сохранившимся до наших дней сооружениям ярмарочного комплекса относятся Сретенская церковь, здания торговых рядов и Пассаж. Во второй половине XIX века архитектурный облик города определялся каменными купеческими домами, зданием казначейства, уездной земской управы, почто-телеграфной конторой, земской аптеки, мужской и женской гимназии, торговыми постройками купцов Агафуровых, С. Т. Морозова, Д. В. Зязина.

и образной структуры. С другой стороны, рассматриваются образы, формирующие «образы места» для «своих» и «чужих», как их понимают культурная география и имагология, обращающиеся и к нехудожественным текстам. Используемые методы позволяют обогатить арсенал филологического исследования антропологическими категориями и изучать эмоциональные режимы повествования, типах взаимодействия с ландшафтом и др.

Результаты исследования и их обсуждение

Своеобразие ирбитской ярмарки в очерках историко-экономического характера

Во второй половине XIX века ярмарки становятся не только пунктом отчета в экономическом обороте губернии, но и привлекают людей из других сословий, чаще всего проезжих литераторов и чиновников, склонных к этнографии и бытописанию.

Насколько нам известно, первым развернутым очерком об Ирбитской ярмарке, включающим в себя элементы анализа экономического и культурного своеобразия города-ярмарки стал очерк писателя и чиновника Евграфа Алексеевича Вердеревского (1825-1867), в 1847-1850 гг. служившего чиновником особых поручений при пермском губернаторе. Очерк начинающего литератора под названием «Ирбитская ярмарка» был опубликован в «Отечественных записках» под псевдонимом Е. Вер-кой¹.

Оказавшись в «далеком конце нашей великой Руси», Вердеревский избирает в качестве первой «чрезвычайно-местной (local)» описываемой достопримечательности «любопытное зрелище полу-восточной, полудикой Ирбитской ярмарки» [4, с. 1]². В добротном историко-экономическом обзоре автор впервые формулирует важнейшие черты, определяющие своеобразие ирбитской торговли: относясь к оборотам нижегородской ярмарки как 3 к 5, т. е. занимая второе место в России, ирбитская ярмарка является «погранично-сибирским рынком» [4, с. 3], насыщающим Сибирь «мануфактурно-русскими произведениями» [4, с. 7], и одновременно — постоянным пунктом местного торгового значения, так как местные товары составляют до 1/7 всего ярмарочного привоза [4, с. 5]. Вердеревский приходит к заключению, что главные двигатели Ирбитской ярмарки — это предметы роскоши [4, с. 9] и оптовый характер торговли.

В современных публикациях специфика ярмарочной торговли Ирбита определяется подобным же образом: выделяется «преобладание предметов роскоши», «престижные товары и престижное потребление», а также высокая

¹ «Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей (ЭНИ „СЛОВАРЬ ПСЕВДОНИМОВ“)» дает указание на авторство Е. А. Вердеревского [21]. Кроме того, включение ярмарки в очерке в пермский культурно-экономический контекст подтверждают биографические совпадения с персоной чиновника и литератора Е. А. Вердеревского.

² Очерки Е. Вердеревского цитируются в статье в современной орфографии и пунктуации. — Н. Г.

информационная составляющая, позволявшая ярмарке служить «индикатором рыночного спроса» и выступать в качестве инструмента налаживания межличностных отношений [7, с. 144].

Важно, что, констатируя отсутствие «следов правильного коммерческого порядка» в действиях даже главнейших коммерсантов ирбитской ярмарки, Вердеревский в качестве определяющего механизма экономической эффективности ирбитской торговли обозначает доверие: «...Нигде не делаются дела с таким беззаветным доверием, с такой быстротою, и с такой беспечностью, которые поразили бы всякого, незнакомого с широкой русской натурой, собою — как в Ирбите. Огромные обороты совершаются здесь как будто сами собою — и между тем торговля цветет, о банкротствах нет и помина, и ярмарочное движение год от года увеличивается...» [4, с. 13]. Сложившийся характер ирбитской торговли приводит к тому, что кроме двух ожидаемых прибывающих сторон (одни — «с товарами и надеждами — за деньгами», другие — «с надеждами и деньгами — за товарами»), есть и третьи — «без денег и без товаров — только с запасом надежды: они, взяв на слово товар — тут же распродают его по мелочам, но с выгодой, и расплатившись за взятое в кредит (который здесь вообще необычайно обширен), уезжают с чистым барышом, приобретенным сметливой заботливостью» [4, с. 14].

Профессиональная позиция автора (государственного служащего), несомненно, влияет на воссоздаваемый им образ торговой жизни Ирбита. В очерках о ярмарочной торговле в России второй трети XIX века ярмарки есть свидетельство здоровья экономической жизни края и фасад торговли. В своем первом очерке Вердеревский показывает ярмарочную торговлю как деятельность, строго организованную по внутренним своим законам: «Купец, заводчик, золотопромышленник, зырянин, ташкенец, киргиз — все это снует и приобретает, и нигде не видно праздного лица, пришедшего, с безучастным любопытством посмотреть на движение толпы» [4, с. 12].

В ярмарочный месяц Ирбит принимает до 67000 человек (вместо обычных 2 000 жителей), концентрация товаров и людей неуклонно возрастает ближе к открытию ярмарки, сигналом к которому служит поднятие флага на башне гостиного двора. Это самые важные дни, когда «судьба оптовой торговли решается за ящиками шампанского» [4, с. 13]. «Но едва успел развернуться ярмарочный флаг, как уже главные статьи торговли совершили процесс своего предназначения. В несколько дней они проданы, куплены, размещены на подводах и отправлены... Теперь для корифеев ярмарки наступает период наслаждения приобретенными благами. Шампанское делается эмблемой, девизом, символом высшего слоя ярмарочных деятелей...» [4, с. 15]. Свершившиеся сделки, как законченная работа, обеспечивают эйфорию дальнейшего хода ярмарки, рождая образы изобилия: «Вино, золото, жизнь — льются через край!..» [4, с. 15].

Именно нуждами ярмарочной торговли была в первую очередь определена в Ирбите и история появления газеты. Ирбитский «Ярмарочный листок» начал свое существование с 1863 года, на 16 лет опередив «Екатеринбургскую неделю». Несмотря на то, что первоначально газета издавалась только в дни ярмарки, она

стала заметным явлением культурной жизни Урала, публикуя этнографические и социально ориентированные материалы, способствовавшие просвещенной коммерции. Расцвет газеты пришелся на последнюю четверть XIX века, когда редакторами были земской деятель А. Г. Хитров и Е. В. Иконников.

Очерк А. Г. Хитрова «К истории города Ирбита¹ и Ирбитской ярмарки» был первоначально опубликован на страницах «Ирбитского ярмарочного листа», а в 1872 году вышел отдельным изданием. Опираясь на статьи историков и краеведов Н. К. Чупина, Н. Е. Эйгера, сочинения Н. И. Костомарова и документы Археографической комиссии, Хитров связывает происхождение города с историей колонизации Сибири начала XVII в.: основание слободы на сплавной реке Нице и вблизи рудных залежей. Плодородные пашенные земли и Бабиновская дорога, идущая из Верхотурья на Тобольск через Ирбит, способствовали скорейшему заселению слободы и развитию в ней торговли.

С первых страниц очерка судьбы Ирбитской слободы и ярмарки изображаются не только как сопутствующие, но и конкурирующие. Хитров разделяет мнение тех, кто считает, что торговля на месте будущей слободы началась еще до постоянного поселения здесь, и продолжалась «наперекор всем не благоприятствующим обстоятельствам» [20, с. 13]. Окрепнув, ирбитская ярмарка «почти совершенно подорвала торговлю г. Верхотурья» [20, с. 15], несмотря на его древность, присутствие начальства и близость торгового двора (манси). Затем в качестве могущественных антагонистов ирбитской ярмарки последовательно выступали посещавшие ее В. Н. Татищев, академики Г. Гмелин, И. И. Лепехин, желавшие переноса ярмарки в Екатеринбург, однако их усилия «остались без последствий» [20, с. 27].

Среди объективных причин, способствовавших процветанию торговли в Ирбите, Хитров выделяет местоположение на середине первого русско-сибирского пути и безопасность в силу большей удаленности от иностранных земель, однако это не объясняет всех драматических поворотов истории: ведь до 1770 года, «торговля... не имела ни правильности, ни удобств, ничего прочного за собою» [20, с. 40], Екатеринбург становится «опасным соперником для Ирбитской ярмарки» [20, с. 40]: за него стояли влиятельные лица того времени и часть купечества, он удобно располагался на главной Сибирской дороге и уже имел зимнюю ярмарочную торговлю. «Словом все было за Екатеринбург, кроме желания большинства торгующей публики» [20, с. 40], но «ирбитская ярмарка устояла без малейшей борьбы и малейшего усилия» [20, с. 40]².

¹ А. Г. Хитров использует устаревшее ныне именование города в женском роде.

² В очерке Хитрова — появление Пугачева близ Ирбита — лишь «случайное происшествие», которое «дало благоприятствующий толчок развитию Ирбитской слободы» [20, с. 41]. Причем известно, что Хитров интересовался темой крестьянской войны и собирал сведения о ней от старожилов. Дарование Ирбиту статуса города (с 1781 г. — уездный город Пермской губернии) и герба, закрепившего торговый характер Ирбита, а также некоторые особые гражданские права, — все это способствовало укреплению позиций Ирбита, но не указывается у Хитрова в качестве решающих факторов.

Десятилетие спустя ирбитская ярмарка вновь пережила «во второй, но не в последний, раз гамлетовский вопрос: быть или не быть ярмарке в Ирбите», поводом к чему послужил страшный пожар апреля 1790 года: «город буквально был обращен в пепел», однако мысль о переносе ярмарке местному купечеству «даже и в голову не приходила» [20, с. 52]. Поддержанные императрицей, ирбитчане отстроили заново деревянный гостиный двор на 410 лавок, затем заменили его построенным в складчину, под контролем особых доверенных лиц, каменным гостиным двором.

В XIX веке соперниками Ирбитской ярмарки выступают Екатеринбург (поддержанный пермским губернатором Тюфяевым) и Тюмень. Но это лишь подстегнуло развитие Ирбита: к середине столетия был основан Общественный Банк (1849), произведено «правильное рас планирование» деревянных торговых балаганов, прилегающая к гостиному двору площадь перешла из казны в ведение города (1865), утвержден устав Общества Владельцев Гостиного Двора (1869).

Таким образом, вся история ярмарки у Хитрова — это история противостояния сильных мира сего и таинственных сил, покровительствующих ирбитской ярмарке, некоторые из которых могут быть названы (нежелание купечества перемещаться), но большинство относится к «роковой необходимости». Важно, что Хитров выделяет купечество в качестве основного актора преобразований, в адрес которого и стоит сформулировать запрос о причинах развития торговли («Уловить тонкости, по которым образуются и развиваются ярмарки чрезвычайно трудно и вернее всех может указать и определить их само купечество» [20, с. 78]), и каким бы «утомительным для читателя» и «нескладным по изложению» [20, с. 78] этот ответ не оказался, это единственный способ понять непостижимое для внешнего наблюдателя [20, с. 78-81].

Итак, к 1870-м годам «200-летнее существование ярмарки... признали историческим авторитетом этой местности» [20, с. 83], т. е. базовой частью уникального историко-культурного ландшафта этого (за)уральского города; и проектирование железной дороги должно было поддержать эту линию развития территории. Работа А. Хитрова сохраняет актуальность для исследователей, внимательных к образной структуре экономических очерков: «роковая случайность», определившая «загадку» Ирбитской ярмарки, впервые оформляется как идея именно в его очерке. Развивая, образно-аналитическую линию анализа своеобразия Ирбитской ярмарки, М. Ф. Ершов обращает внимание на то, что «гигантские размеры ярмарки не позволяли горожанам монополизировать сферу обслуживания» [7, с. 145], что приводит к парадоксальному перевороту: в случае Ирбита не ярмарка принадлежала городу, но город стал частью ярмарки: «Ярмарка, подстраивая город под себя, не стала его органической составной частью — их величины были несопоставимы» [7, с. 149]. Ирбит принял путь развития, свойственный торговле, и предпочел путь открытости и светскости, в отличие от «замерших» в изоляции церковно-купеческих Верхотурья и Туринска [7, с. 149].

Таким образом, в очерках сугубо экономического характера проявляются тема парадоксальной связи судеб города и ярмарки, где важную роль играет выбор горожан и их доверие друг другу.

Образы ирбитской ярмарки в травелогах

Е. А. Вердеревского и Н. Д. Телешова

Взгляд на ярмарочные сезоны «извне», принадлежащий проезжающему, путешественнику, заметно отличается от «внутреннего взгляда» видения жителя города, экономиста или чиновника. При этом один и тот же автор может занимать в разных текстах разные авторские позиции, как это происходит с Е. А. Вердеревским. В феврале 1853 года он вновь посетил ярмарочный Ирбит проездом на Кавказ, включив письмо под названием «Ярмарка» в сборник «От Зауралья до Закавказья. Юмористические, сентиментальные и практические письма с дороги» (1857). Исследователь травелогов Е. Г. Власова отмечает как общие установки этих «путевых отчетов» на злободневность и прагматизм, присущие газетным публикациям в стилистике легкого фельетона [6, с. 552], так и несомненную новизну маршрута литературного путешествия Вердеревского по России: не от центра к окраинам, но из одной terra incognita в другую. Такая смена направления движения предполагала корректировку противопоставления столицы и провинции, востока и запада [6, с. 553]. Однако сюжеты письма Вердеревского о ярмарке богаче отмеченного изображения нравов ярмарочного общества и «безудержных кутежей уральских толстосумов» [6, с. 554].

Знакомый нам по первому очерку Вердеревского статистический обзор ярмарочной торговли поставлен в «Письмах» в иной, дорожный, контекст: нырковатая дорога («нырками» выразительно именуется чередование сугробов и ухабов) заставляет назвать путешествие в Ирбит плаванием и ввести в качестве важного элемента культурного ландшафта неутомимых сибирских или обвинских лошадей¹, что станет важной сюжетной линией очерка Н. Д. Телешова, еще плотнее вписывающего Ирбит в «дорожную карту» России. Так Вердеревский задает устойчивые мотивы нарративного ландшафта ирбитской ярмарки, отмечая связь природных и культурных ее особенностей.

Культурный ландшафт Ирбита у Вердеревского формируется, следуя взгляду въезжающего в Ирбит на санях путника: доминирующей высотой становится кладбище «с прекрасной каменной церковью, расположенное на весьма значительной высоте, посреди соснового бора, и обнесенное белою каменной оградой» и расположением города на возвышении при слиянии рек Ирбит и Ница [5, с. 30]. Описание гостиного двора — «центра торгового движения», «опрятных домов» вокруг, «двух прекрасных каменных церквей» и торговых и сенной площадей

¹ Сюжет о «двужильной лошади» по кличке Разбойник, доставлявшей хозяина в Ирбит и обратно за одну ночь — см. рассказ Д. Н. Мамина-Сибиряка «В горах». Образы мчащихся троек, тянувшихся обозов и невероятно выносливых лошадей — непрерывная часть ирбитского ярмарочного культурного ландшафта вплоть до устных рассказов горожан в 1980-е гг.

исчерпывает архитектурные красоты города (появление знаковых архитектурных построек Ирбита состоялось десятилетием позднее). Ирбит, ориентированный на торговлю с Сибирью, в 1853 году безнадежно проигрывает Нижнему, представляя «довольно грязное, довольно беспорядочное, и даже довольно бедное движение, скоро утомляющее взор. На всем отпечаток случайности, поспешности и безвкусыя. Изящному здесь менее всего места...» [5, с. 32].

Проводником Вердеревского по ярмарочному сезону становится молодой человек, из разряда «практических деятелей жизни», которого автор защищает от иронии «заезжих писак»: ведь именно он, «Виргилий», показал автору «все закоулки ярмарочного мира; показал... все, что стоило и что не стоило осмотра; рассказал... все здешние анекдоты» [5, с. 39]¹. Благодаря фигуре проводника рассказ Вердеревского о местных нравах приобретает особый колорит и достоверность свидетельств очевидца. Легкость знакомств без церемоний, всеобщая готовность к путанице *qui pro quo*²), колорит провинциальных нравов на театральных представлениях, — все создает общий будоражащий автора колорит.

Для наблюдателя ярмарка — это место и время, где царят «удары слепого счастья» и где «невозможно не любоваться... чужими ощущениями» [5, с. 47]. Близость, заразительность и размах эмоций участников ярмарки необыкновенны. Лейтмотивом ярмарочного настроения у Вердеревского становится фраза «Сибирь ликует», а основной эмоциональный режим ярмарки, окончание которой приходилось на Масленицу, он определяет как «обязанность веселиться, насколько хватает силы и способов» [5, с. 42].

В очерках Вердеревского ярмарка предстает аналогом карнавала — умопомрачительным зрелищем, втягивающим в свой круговорот всех, от мала до велика. «Вот едут гигантские сани на восьми лошадях. Сани покрыты коврами, в санях толпа ликующего народа, иногда с бутылками и стаканами в руках... Все поют, кричат и громко перекликаются с знакомыми своими в окружающей их толпе... Или вот еще везут какую-то подвижную каланчу. Из саней высится мачта с флагами и лентами, наверху сидит паяц в шутовском наряде и кривляется на диво бегущей позади пестрой толпы... Жизнь, веселье, вино и золото — кипят и льются через край...» [5, с. 46].

В каком-то смысле характер функционирования ярмарочных сезонов представляет собой квинтэссенцию русского национального характера, как его видел В. О. Ключевский («Где, кроме необъятной России, встречается что-нибудь подобное!», — восклицал Вердеревский [5, с. 45]): кипучий ярмарочный месяц кормил год, и горожане скучали по тому оживлению, которое приносили с собой гости из разных стран и городов.

¹ Подобный тип описывает Мамин-Сибиряк в XI главе «Приваловских миллионов» (1883): «Есть такие люди, которых можно встретить только на ярмарках. Чем они занимаются, зачем приезжают на ярмарки — неразрешимая задача. Эти таинственные незнакомцы всегда чисто одеты и всегда щеголяют тяжелыми часовыми цепочками, массивными брелоками и дорогими кольцами» [12].

² См., например, историю с подменной шубой [5, с. 41].

Для этнографов и литераторов ярмарка становилась уникальным местом встречи культур и обычаев, при непревзойденной легкости наблюдения и участия: «... В толпе встретите вы и лисью шубу купеческого приказчика, и штофный шу-гай заводской бабы, и остроконечную вислоухую шапку башкирца, и тюбетейку татарина, и gibus петербургского негодянта, и бобров и соболей иркутских купеческих сынков...» [5, с. 46]. В Биржевом зале — посетители всех классов: «и элегантные представители московского и петербургского купечества, и борода-тые негодянты средней руки, и татары, и бухарцы в своих народных платьях. Тут между ними, за стаканами чая происходили, быть может, стотысячные сделки» [5, с. 44]. А на балу в зале Собрания кружатся «молодой единоведец с казанским купцом из татар (в народном костюме)», «элегантный английский коммерсант по меховой торговле» в паре с «полновесным городничим» и «юные здешние кержачки с заезжими последователями Кальвина или Магомета» [5, с. 46].

Любопытство ведет на Ирбитскую ярмарку и юного героя дебютного очерка Николая Дмитриевича Телешова (1867-1957), бытописателя, выходца из купеческого сословия («На тройках», 1892). Сын миллионера оказывается в компании московских купцов, «серьезных людей» со «скучными разговорами». Однако дорога до Ирбита оказывается одним из самых захватывающих приключений в его жизни, поскольку попутчики обнаруживают пристрастие к скоростной круглосуточной гонке на санях. Азарт купцов, летящих на тройках по ухабам, становится эмоциональной доминантой очерка и делает видимыми скрытые за «скучными разговорами» страсти, прочем, вполне контролируемые.

«Панфиловские повозки», запряженные тройками «громздных коней», — метафора всей ярмарочной торговли и духа купечества: «На этакой тройке — да не лететь!» [17, с. 37]¹.

Цепь дорожных приключений связывается лейтмотивами ухабов и колокольцев: «Колокольчики надоедливо верещали, особенно по ухабам, откуда насилу вылезали повозки. До Собакина еще кое-как добрались, но дальше пошла такая

¹ «Русский человек, умудренный горьким опытом, постепенно создал прочную и удобную повозку, в которой катя на ней хоть к чертям на кулички, — горя мало! <...> Косогор ли, ухабы — ей все нипочем! <...> Что ей сделается, этой повозке? Наскочила на кочку — небось! не опрокинется набок, потому что по бокам приделаны отводы, вроде вторых оглоблей, которые берегут ее и слева и справа. Понесется ли она по ухабам, и то не беда, — разве только ахнешь от неожиданности, а уж язык не прикусишь и не станешь бодаться с ямщицкой спиной или с своим собственным чемоданом. Чепчик сделан из прочного лубка и околочен циновкою; на случай солнца — сверху спускается „зонтик“, на случай вьюги поднимается фартук до самого зонтика, а на случай голода или жажды в кузове имеются два кармана, где хранится все необходимое: закуска, коньяк, табак и тому подобное. Под сиденьем — перина, за спиной — подушки, так что ни сидишь, ни лежишь, а натянешь на ноги меховое одеяло да завернешься покрепче в доху поверх полушубка, поднимешь фартук, опустишь зонтик да выпьешь на сон грядущий так тут не то что ухабы или мороз, а никакая метель не страшна! [17, с. 40].

дорога, которую даже татары ругали по-русски, а путники бранили татар» [17, с. 65]. Социальный контраст усиливается на подъезде к Ирбиту, где «тройки летели, обгоняя запоздавшие обозы», а «около возов шли молчаливые обозники на большом расстоянии друг от друга. Шли они, понутив головы. Лошади тянули подводы с таким же унылым и сосредоточенным видом, будто тоже сокрушаясь о своем житье-бытье, трудовом и безрадостном...» [17, с. 91].

Примечательно, что автор открывает героям город на заре («Проснись! Скоро Ирбит!») [17, с. 91]: «...Вот, наконец, театр и Сибирский банк; вот нотариус, доктор, биржа и гостиный двор» [17, с. 91], а затем, обозначив проигрыш купца Панфилова в гонке, заканчивает текст ровно в тот момент, когда должна была вступить в свои права «скучная деловая жизнь»: «Под звуки железных болтов, загремевших по железным ставням, на Матвея Матвеевича вдруг нахлынули деловые заботы о срочных векселях, товаре и покупателях... Ярмарочная, светлая жизнь захватила все его мысли» [17, с. 91].

Через 2 года Н. Телешов совершает собственное путешествие по России, итогом которого становится цикл очерков «За Урал. Из скитаний по Западной Сибири» (1897). Через Ирбит Телешов проезжает летом, оставив нам описание города вне ярмарочного сезона — «тихого, пустынного городка, маленького, но оригинального»: «...город глядит сиротою, словно только что переживши тяжелую эпидемию. Жителей почти не видно; центральные улицы пусты, лучшие здания заколочены наглухо и хотя много мелькает перед глазами вывесок с громкими названиями гостиниц и ресторанов, но все это заперто, даже забито досками, и приедем не только негде остановиться, но негде и поест» [18].

Собственные впечатления автора актуализируют значение ярмарки как связи «спящего захолустья с живым цивилизованным миром» через «сбродный ярмарочный элемент». Ведь ярмарка не только дает средства к существованию целому городу, но и приносит городу «оживление и много удовольствий» [18].

Собственно образ ярмарки Телешов вновь составляет по доступным источникам (очерк «На тройках» был написан под впечатлением от рассказов родственника): он обильно цитирует Е. А. Вердеревского (фрагмент о танцах и историю о шубе) и использует материалы «Ярмарочного листка». В получившейся у Телешова зарисовке ярмарки она оказывается местом, к которому неприменимы привычные нормы: здесь домовладельцы могут выступать в роли лакеев («не считая никакой работу унижительною, — была бы лишь доходна» [18]), гадалщицы, «запрещенные повсюду», здесь публикуют объявления об услугах, гости демонстрируют средства, а не уровень воспитания и образованности; в театре «чередуются самые раздирающие драмы с самыми отчаянными оперетками», закрытые в Прощеное воскресенье лавки соседствуют с «местным карнавалом», когда «нанималась розвальни, в них ставилась лодка, а в лодку стол с всевозможными винами и закусками, в лодке же помещались музыканты — три-четыре жиды со скрипками: борта ее обставлялись шестами, на которых вешалась собольи хвосты, лошади убирались лентами, — и в таком виде, с песнями, шумом и гиканьем, пронеслись по городу тройка за тройкой с полупьяными купчиками и арфистками» [18].

Телешов нанизывает абзац за абзацем, создавая образ пространства, где сходятся крайности, места, которого не может быть, но которое все-таки существует: «Ирбитская ярмарка — это место, куда всем и отовсюду ехать далеко и одинаково неудобно, но куда все-таки едут — с востока и запада, с севера и юга, куда привозят товаров на десятки миллионов рублей, где ютятся по каморкам, живут в магазинах, где встают до восхода солнца, а ложатся чуть не на утренней заре, где все кипит деятельностью, торопливостью и разгулом, где по трактирам за стаканом чая завершаются стотысячные сделки <...> где татары, евреи, православные русаки и столичные коммерсанты пропивают магарычи, хлопочут, суетятся, работают, где до пены у рта спорят из-за гривенника в товаре и где ночи напролет просиживают за картами, спуская тысячи и пропивая сотни рублей. Ирбитская ярмарка — это съезд крупнейших коммерсантов, арфисток и фокусников, мелких торгашей и помещиков, фотографов и заводчиков, докторов и актеров, столичных шулеров и губернских карманников; здесь имеется и продается все, начиная с ситца, сала, кошачьей шнурки и кончая бриллиантами...» [18]. «Ирбитская ярмарка — это истинная смесь одежд и лжец, племен, наречий, состояний. <...> ...Здесь делают громадные миллионные обороты временные отделения банков, издается временная ярмарочная газета: здесь же торгуют пряниками и живыми кошками, — словом, нет такого дела и предмета, которые не нашли бы здесь применения» [18].

Суггестивный образ ярмарки у Телешова точнее всего мог бы быть истолкован как описание гетеротопии — особого вида пространств, выделяемых М. Фуко на основании особых связей пространственно-временного устройства и социальных норм. Не ставя задачей детальную разработку этой проблематики в рамках данной статьи, отметим, что в очерке Телешова, написанном из специфического личного опыта «в отсутствие ярмарки», обозначаются все важнейшие признаки гетеротопии: обязательность гетеротопии в теле культуры (всем ехать неудобно, но все едут), связь с гетерохронией (сезонность ярмарки и особое течение времени на ней), взаимосвязь проницаемости и изолированности такого пространства и его иллюзорность [19, с. 197-202]. Истоки такого описания можно обнаружить в письме Вердеревского, отметившего обязанность веселиться, словно бы налагаемую на гостей Ирбитской ярмарки.

Телешов, в силу происхождения прекрасно осведомленный о внутренних механизмах торговых операций, в очерке об ирбитской ярмарке намеренно игнорирует какую-либо структуру и систему, акцентируя приметы хаотического смешения. Однако ярмарочное «иномирие» не отталкивает автора. На наш взгляд, полюсом притяжения у Телешова оказывается востребованность всего сущего, которую демонстрирует ярмарка («нет такого дела и предмета, которые не нашли бы здесь применения» [18]). Ярмарка всеобъемлюща, и тем самым близка базовым феноменам человеческого бытия, в частности, игре. Ливен де Коте и Мишель Деэн как раз сравнивают с игрой деятельность, характерную для гетеротопий [2, с. 142-143]. В силу этого свойства гетеротопии способны обновить установленный порядок, сломать привычный строй вещей, внести в повседневность новое и свежее.

Таким образом, в путевых очерках Вердеревского и Телешева прослеживаются более глубокие и важные тенденции, нежели зарисовки экзотической зауральской жизни. Изображение ярмарки в них можно интерпретировать не только как царство хаоса, но, учитывая преобладающие эмоциональные режимы (азарт, состязательность, чувство полноты жизни, легкость принятия поворотов судьбы и др.), выйти к проблеме изображения в очеркистике XIX века ярмарочного пространства как игрового в связанности с иной структурой социальных и властных отношений, существующих внутри гетеротопии¹.

*Рассказы и очерки Д. Н. Мамина-Сибиряка и К. Д. Носилова:
ярмарка как провоцирующий ландшафт*

В конце XIX века в творчестве местных литераторов разрабатываются темы, ставшие «закрепившимися в литературе приметами уральской жизни» [6, с. 554], к каковым, безусловно, относится и ирбитская ярмарка.

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк (1852-1912) многократно посещал Ирбит и ярмарочные сезоны, был хорошо знаком с представителями городского сообщества, дружен с Д. А. Удинцевым. Наиболее яркий и полный образ ярмарки воссоздан Маминим в рассказах² «Штучка» (1883) и «Крупитчатая» (1891), где в фокусе авторского внимания находится судьба деревенских девушек, жертв сладострастия приезжих купцов, за бесценок покупающих их красоту и невинность.

При первой публикации «Штучка» предуведомлялась словами редакции, видевшими в рассказе описание одной из «мрачных, возмущающих душу сторон нашей захолустной ярмарочной жизни», «слабую картину безобразий, которыми познаменовывается Ирбитская ярмарка, превосходящая в этом отношении свою старшую сестру — ярмарку Нижегородскую» [13]. Так беллетристическому тексту придавался статус свидетельства о «невероятных», «противоестественных фактах», в которые трудно поверить «человеку свежем», «привыкшему жить в относительно культурных условиях общественности». Редакция призывала обратить внимание на этот рассказ лиц, в чьи обязанности входит попечение и наблюдение за ярмаркой, где еще производится «тайная торговля людьми» [13].

В эти годы Мамин как раз разрабатывает формирующий, конструирующий образ места потенциал литературных произведений. Так, свой очерк «Екатеринбург» (1888) Мамин-Сибиряк сознательно строит как вербальную репрезентацию образа города, избрав эпиграфом слова Забелина о городе как «живом узле разнообразных народных связей и отношений». Упомянутые выше рассказы Мамина преследуют несколько целей: они создают «образ места», критикуют недостатки и исправляют нравы и реализуют эстетическую функцию литературы.

¹ Игровой характер народной ярмарочной культуры выражен в ярмарочной ранешней поэзии, балаганных играх, медвежьих потехах, зрелищах и развлечениях разного рода и др. [14], чего мы не касаемся в силу сосредоточенности на произведениях словесности.

² Образ Ирбитской ярмарки есть и в романе Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы» (1883), но в силу ограниченности объема статьи, а также схожести основных тенденций изображения ярмарки в выделенных нами рассказах, мы ограничимся анализом произведений малых жанров.

Исследователи указывают на то, что в качестве одного из литературных источников образа «дикого счастья» у Мамина выступают письма Вердеревского [6, с. 554]. Уточним это положение. Как мы уже показали, тексты Вердеревского о ярмарке написаны в рамках разных тенденций; и если фактура Вердеревского и Мамина в некоторых случаях совпадает, то авторские интонации заметно различаются: Вердеревский видит в ярмарке приключение и развлечение, Мамин — праздник-обольщение, скрывающий за своим фасадом тяжелые социальные проблемы. Исполнение морального долга литературы, понимаемого в этом случае как борьба с «развращающим влиянием наших ярмарок», вводит рассказы Мамина о ярмарочных нравах в иной, социально-обличительный контекст русской беллетристики.

Ирбитская деловая жизнь служила для Мамина источником сюжетов и материалом наблюдений. Однако Мамин изучает нравы ярмарки, избегая ее обаяния, что меняет метафорический ряд его текстов: ярмарка сравнивается с лихорадкой, пожаром, половодьем, «разливанным морем». Ярмарочный сезон сопоставим с сезонной вирусной болезнью, стихией, захватывающей всех, манящей и пугающе безжалостной. Мамин без малейшего обольщения рисует участие всех сословий в ярмарочном действе: жаждущих зрелищ и заработка крестьян и мещан, темный криминальный мир и «господствующую и вседержущую ноту этого разлива — купечество» [13]¹. Ни одно сословие не оказывается обладателем индульгенции в этом карнавале: «Это было настоящее ярмарочное море, в котором тонул всякий, кто попадал сюда» [12]. Выгоду ярмарка приносит лишь тем, кто знает ее устройство и умеет избежать тяжелых последствий.

Как носитель христианской в своей основе системы ценностей, Мамин-писатель не очарован, но удручен теми сторонами народной жизни, которые открываются ему на ярмарке: жаждой наживы, бессмысленностью трат, внешним блеском, дешевизной человеческой жизни, непривлекательными душевными качествами многих участников и др. Статистика торговых оборотов, равно как и апелляция к «экономическим законам» становится в его рассказах лишь лицемерным оправданием существующей несправедливости.

Эта авторская позиция находит свое выражение и в художественном изображении пространства и времени ярмарки, когда дорога превращалась «в узкое, избитое ямами корыто, до краев наполненное грязно-бурого цвета снегом, походившим на неочищенный сахарный песок», в котором бесконечные обозы ползли, «как разрозненные звенья какого-то чудовищного ярмарочного червя»,

¹ «...В гостиницах с арфистками стояло настоящее разливанное море, в котором барахтались и тонули московские тятеньки, вместе со своими сынками-саврасами. Масса других притонов поглощала остальную часть публики, где „с песнею и пляскою — обирали вежливо, обдирали с ласкою“. Проститутки, шулера, жулики вырывали сырым мясом то, что приходилось на их долю из выжиленных ярмарочным днем грошей и копеек. Фрося, попав на улицу, делалась как пьяная и каждый раз вспоминала с тяжелым вздохом, как сама в былое время чертила по разным вертепам с „покойничком“ Сидором Иванычем...» [13].

«вихрем летели тройки», «как шакалы, там и сям прятались какие-то подозрительные тени...» [12]. Вместе с коррозией пространства происходит искривление течения времени.

Контраст Ирбита ярмарочного и Ирбита «вне сезона» настолько ярок, что порождает устойчивую оппозицию мертвого — живого, вернее, мертвого — ожившего: «Мертвые дома оживали; везде мыли, скребли и чистили, везде сушили и хлопотали тысячи людей, а по двум трактам, с сибирской и московской стороны, в город бесконечной лентой ползли обозы, фуры, кошевые, повозки, точно сюда стягивались две громадные армии» [13]. Ту же оппозицию мы встречали и в очерке Телешова о летнем Ирбите: «Все пустынно, уныло, все стоит покинутым, забитым досками, и Пассаж, и гостиный двор, — все словно ждет чего-то, чтобы проснуться и ожить» [18].

Критической оценке Мамина подвергаются не только «дикости ярмарочного месяца», но и их антитеза — летаргический сон оставшихся одиннадцати. Ср.: «Если в обыкновенное, „мирное“ время, когда весь Ирбит спит всеми своими пустыми домами сказочным непробудным сном — если бы этот якобы город зажечь со всех четырех концов, и тогда не было бы того содома, беготни и хлопот, какой производит прилет одних московских „голубчиков“» [13]. «Одиннадцатимесячный сон с лихвой выкупался лихорадочным оживлением дикого ярмарочного месяца, когда днем кипела торговля, а ночью гремели своими машинами трактиры, распевали хоры арфисток и до утренней зари творилось всякое ярмарочное безобразия» [11].

Вместе с тем Мамин-Сибиряк продолжает изучение жизни Ирбитской ярмарки, не в силах отказаться от тех возможностей, которые дает наблюдателю это уникальное в своем роде событие. Именно сочетание этих двух факторов позволяет нам представить ярмарку в очеркистике в качестве провоцирующего ландшафта, заимствовав термин коллег-антропологов. Антропологи таким образом подчеркивают активность ландшафта, «взаимную агентность человека и среды» [9, с. 250], по нашему же мнению, подобное определение могло бы фиксировать такие типы историко-культурного ландшафта, для которых характерна высокая степень амбивалентности: провоцирующие ландшафты в литературе одновременно привлекательны и раздражающи.

В произведениях Мамина-Сибиряка нарратив о ярмарке приобретает черты провоцирующего ландшафта — неодолимо влекущего и фрустрирующего. Это прочитывается и формируется через образы хаоса, столпотворения, содома, вавилонского смешения: «Все тут, как крошево в чашке: и москвичи, и нижегородцы, и казанцы, и иркутчане, и томичи, и вятичи, и харьковцы, да еще на придачу инородь разная — бухарцы, китайцы, армяне, татары, немцы, французы, англичане... Настоящее вавилонское смешение языков!» [13].

Подобной тенденции изображения ярмарки следует и уралец Константин Дмитриевич Носилов (1858-1923), тоже выходец из духовного сословия. В газете «Урал» он публикует очерк о хорошо знакомой ему Обдорской ярмарке (нынешний Салехард). В ином, колониальном контексте, в жанре

публицистического очерка, Носилов более прямо формулирует тезисы, уже описанные на ирбитском материале выше. Ярмарка — «нечто в высшей степени интересное не только для торгового человека, но и для простого наблюдателя, а для путешественника, для этнографа это лучший момент, когда он может познакомиться с жизнью края, узнать его суть и сидеть все, чем живет этот край, все его благосостояние» [15].

Съехавшиеся из тундры на ярмарку самоеды преобразуют Обдорск до неузнаваемости. Отношения между приехавшим на смену «дикарем» и купцом еще более неравноправны, в виду языковой и культурной пропасти. Карнавальный характер действия подчеркивается и лицемерным переворачиванием иерархии¹ и сменой традиционного визуального кода: «В это время вы можете на улице видеть самоеда в его лучшей одежде, в такой, в какой он бывает только редко, в дни торжеств, выездов своих в русское селение. <...> Эти костюмы изобретение местных женщин, они шьют для дикаря решительно все и рубашки, и маличные накидки-рубашки, и халаты, и шаровары и чем ярче они их отделяют, чем фантастичнее рисунок отделки, узор, чем более он походит на балаганный, он ценится дороже дикарем и дороже оплачивается и самый труд. Почему случается встретить самоеда на улице в чем-то похожем даже на ризу священника или диакона» [16]. В «Обдорской ярмарке» Носилова интерес к реалиям северной жизни нераздельно слит с горечью от несправедливости по отношению к «иногородцам. Таким образом, ярмарочная этнография уральской и северной части России формируется в последние десятилетия XIX века под сильным влиянием установок социального служения литературы, разделяемых частью авторов.

Заключение

Мы рассмотрели несколько тенденций, следуя которым, литераторы XIX века рассказывали об ирбитской ярмарке. Разные образы ярмарки и ассоциативные ряды, возникающие в связи с ними, остались важными составляющими локального историко-культурного ландшафта. На страницах очерков XIX ярмарка отразилась как загадочная в своей стойкости сила (торговля), как особый тип игрового пространства (гетеротопия) и как свидетельство социального неблагополучия (провоцирующий ландшафт). Как показывает внимательное чтение, образно-аксиологическая система ИКЛ обладает высокой сохранностью, и при определенных условиях сюжеты способны выходить из латентного состояния и вновь начинать жить в земном теле культуры.

Менее чем через два десятилетия ирбитскую ярмарку ждали потрясения, которые радикально изменили местный культурный ландшафт: город пережил шок от расстрела заложников из числа известных горожан и купцов [3, 8],

¹ Самоед «словно по какому волшебству превращается в почетного гостя, перед ним раскупоривается лучшая бутылка вина, оно даром льется ему в горло, он может есть и требовать себе каких угощений, он может всласть наслаждаться гостеприимством, даже не заговаривая зачем он приехал, что привез, что хочет» [16].

а архитектурное ярмарочное наследие оказалось обесценено. Не переоценивая значимость текстов на фоне социальных катаклизмов, но пытаясь осмыслить внутрикультурные механизмы последующей работы памяти места, мы можем констатировать, что «ярмарочные нарративы» разных сословий были совершенно несхожи между собой, будучи наделены, кроме прочего, разной доступностью к публичному слову и ресурсам создания коллективной идентичности. В случае ирбитской ярмарки потребности в саморепрезентации, индивидуальной, сословной и локальной, купечество реализовывало прежде всего через строительство зданий общественного, личного и делового назначения, а также топографию города, где символический центр был отдан торговым пространствам. Несформированность местного «голоса купечества» в словесности XIX века стала одной из причин того, что при физическом уничтожении представителей этого сословия, осуждение «ярмарочных безобразий» стало абсолютно доминирующим в публицистике, а десятилетия спустя — и в устной памяти горожан. Корпус местных устных историй о персонажах ярмарочного Ирбита остался в большей своей части не зафиксированным, но мы можем утверждать его наличие, опираясь на собранные десятилетиями спустя воспоминания горожан [1]. Таким образом, текстуальное наполнение историко-культурного ландшафта Ирбита требует дальнейшего изучения и сопоставления разных источников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антропов И. Я. Были Ирбита / И. Я. Антропов. Ирбит, 1992. 182 с.
2. Бедаш Ю. А. Гетеротопология как практическая философия / Ю. А. Бедаш // Практизация философии. Современные стратегии и проблемы. (отв. ред. И. Н. Инишев, Т. Щитцова). Т. 2. Европейский гум. университет, 2010. С. 139-150.
3. Бороздин К. А. Расстрел ирбитских купцов / К. А. Бороздин // Веси. 2008. № 9. С. 62-66. URL: <http://irbit.info/history/memorials/irbit/6087/>
4. Верской Е. Ирбитская ярмарка / Е. А. Вердеревский // Отечественные записки. 1849. Т. 65. Отд. IV. С. 1-16. НЭБ. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_60000277564/ (дата обращения 12 октября 2021).
5. Вердеревский Е. А. Ирбитская ярмарка. От Зауралья до Закавказья / Е. А. Вердеревский. Ирбит, 2008. 56 с. (Серия «Ирбитская старина». Вып. 2).
6. Власова Е. К. Е. А. Вердеревский / Е. К. Власова // История литературы Урала. XIX век: в 2 кн. / Под ред. Проф. Е. К. Созиной. Кн. 1. 2-е изд. Москва: Издательский дом ЯСК, 2021. С. 552-555.
7. Ершов М. Ф. Северные зауральские города и региональная торговля в XIX веке: проблемы адаптации / М. Ф. Ершов // Вестник утраведения. 2011. № 1 (4). С. 135-153.
8. Ирбитская трагедия / Е. А. Ефтефьева // Архивы Урала. 2007. № 11. С. 91-108.
9. Корандей Ф. С. Провоцирующие ландшафты: исследования повседневных культурных ландшафтов периферии агломераций / Ф. С. Корандей, И. В. Абрамов, В. М. Костамаров, М. С. Черепанов, А. В. Шелудков // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 3 (54). С. 247-257.

10. Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сборник статей / В. Д. Каганский. Москва: Новое литературное обозрение, 2001. 576 с.
11. Мамин-Сибиряк Д. Н. Крупнчатая / Д. Н. Мамин-Сибиряк // Мамин-Сибиряк Д. Н. Сбор. соч. в 8 томах. Том 5. Москва: Худ. лит., 1954. URL: http://az.lib.ru/m/maminsibirjak_d/text_0332.shtml (дата обращения: 12.10.21).
12. Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч. в 10 тт. Т. 2. Приваловские миллионы / Д. Н. Мамин-Сибиряк. Москва: Правда, 1958. 363 с. URL: http://az.lib.ru/m/maminsibirjak_d/text_0010.shtml (дата обращения: 12.10.21).
13. Мамин-Сибиряк Д. Н. Штучка / Д. Н. Мамин-Сибиряк // Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч. Т. 12. Петроград: Изд-во товарищества А. Ф. Маркс, 1917. URL: http://az.lib.ru/editors/m/maminsibirjak_d/text_1883_shtuchka_oldorfo.shtml (дата обращения: 12.10.21).
14. Некрылова А. Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища: конец XVIII — начало XX века. 2-е изд., доп. / А. Ф. Некрылова. Ленинград: Искусство, 1988. 215 с.
15. Носилов К. Д. Обдорская ярмарка и история меновой торговли на Севере Сибири / К. Д. Носилов // Урал. 1898. 6 февраля. № 312.
16. Носилов К. Д. Обдорская ярмарка и история меновой торговли на Севере Сибири / К. Д. Носилов // Урал. 1898. 10 февраля. № 315.
17. Телешов Н. Д. На тройках / Н. Д. Телешов // Телешов Н. Д. Рассказы, повести, легенды. Москва, Советская Россия, 1983. С. 34-91.
18. Телешов Н. Д. За Урал: из скитаний по Западной Сибири / Н. Д. Телешов. Москва: Типография Товарищества И. Д. Сытина, 1897. 214 с. URL: <https://uraloved.ru/starosti/teleshov-i-ego-puteshestvie-po-uralu> (дата обращения: 12.10.21).
19. Фуко М. Другие пространства / М. Фуко // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3. Москва: Праксис, 2006. С. 191-204.
20. Хитров А. Г. К истории г. Ирбита и Ирбитской ярмарки / А. Г. Хитров. Ирбит: Типография А. А. Дробинина, 1872. 84 с.
21. Электронное научное издание «Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей (ЭНИ «СЛОВАРЬ ПСЕВДОНИМОВ»)». URL: <http://feb-web.ru/feb/masanov/man/02/man02877.htm> (дата обращения: 12.10.21).

Natalia B. GRAMATCHIKOVA¹

UDC 821.161.1+82.0

**HISTORICAL AND CULTURAL LANDSCAPE
OF A SMALL URAL TOWN: IMAGES OF THE IRBIT FAIR
IN THE ESSAY ON THE 19TH CENTURY**

¹ Cand. Sci. (Phylol.), Senior Researcher,
Center of Literary History, Institute of History and Archeology,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg)
n.gramatchikova@gmail.com; ORCID: 0000-0002-2585-7399

Abstract

The article is devoted to the key image of the historical and cultural landscape of Irbit — the Irbit fair. Based on the essays of the 19th century, three main trends in the depiction of the fair seasons of Irbit, which are dominant in different decades, are considered. In the economic essays by E. A. Verderevsky and A. G. Khitrov, the distinctive features of the Irbit Fair were first identified, and the topics of “trust” and “riddles” of the fair that were important for the trading community were declared. The second tendency of description, developing in the letters of E. A. Verderevsky and travel sketches of N. D. Teleshov developed the image of the fair season as a carnival, providing rich material for understanding the fair as a dystopia (M. Foucault), with special space-time relations, interconnection isolation and permeability. The third tendency of the image is found in the sketches of the Uralites D. N. Mamin-Sibiryak and K. D. Nosilov, aimed at improving public mores. In their texts, the fair becomes a kind of provocative landscape, both attracting and repulsive to the authors.

Throughout its history, the Irbit Fair has retained its attractiveness for ethnographers, writers and folklorists as a representation of a wide range of social strata and ethnic groups. At the same time, there is no single narrative about the fair. By the end of the 19th century, the Ural literature focused on describing and exposing the spontaneous destructive forces that seize the community and the person during the days of the fair, while it was at this time that the local merchant class used the language of architecture to manifest their own collective identity.

Citation: Gramatchikova N. B. 2021. “Historical and Cultural Landscape of a Small Ural Town: Images of the Irbit Fair in the Essay on the 19th Century”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 7, no. 4 (28), pp. 115-135.
DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-115-135

The growing gap reveals its adherence to principles during a radical rethinking of the historical and cultural heritage of Irbit in the 1920s-1930s.

The article connects local “fair plots”, compares the views “from the outside” and “from the inside”, condenses the description of the regional literary context.

Keywords

Fair, essayism, dystopia, provocative landscape, merchants, the image of the city, travelogue.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-115-135

REFERENCES

1. Antropov I. Ya. 1992. Irbit's Legends. Irbit. 182 p. [In Russian]
2. Bedash Yu. A. 2010. “Heterotopology as a practical philosophy”. The Practice of Philosophy. Modern Strategies and Problems. Vol. 2. European Humanitarian University. Pp. 139-150. [In Russian]
3. Borozdin K. A. 2008. “Execution of Irbit merchants”. Vesi, no. 9, pp. 62-66. [In Russian]
4. Verskoy E. 1849. “Irbit fair”. National Notes, vol. 65, no. 4, pp. 1-16. Accessed 12 October 2021. https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_60000277564/ [In Russian]
5. Verderevskiy E. A. 2008. Irbit Fair. From the Trans-Urals to Transcaucasus. Irbit Antiquity Series, vol. 2. 56 p. [In Russian]
6. Vlasova E. K. 2021. “E. A. Verderevskiy”. History of Literature of the Urals. 19th century. Book 1, 2nd edition. Edited by E. K. Sozina. Moscow: YaSK Publishing House. Pp. 552-555. [In Russian]
7. Ershov M. F. 2011. “Northern Trans-Ural cities and regional trade in the 19th century: problems of adaptation”. Journal of Ugric Studies, no. 1 (4), pp. 135-153. [In Russian]
8. Eftefiyeva E. A. (ed.). 2007. “Irbit tragedy”. Ural Archives, no. 11, pp. 91-108. [In Russian]
9. Korandey F. S., Abramov I. V., Kostamarov V. M., Cherepanov M. S., Sheludkov A. V. 2021. “Provocative landscapes: a study of everyday cultural landscapes at the outskirts of agglomerations”. Archeology, Anthropology and Ethnography Herald, no. 3 (54), pp. 247-257. [In Russian]
10. Kaganskiy V. L. 2001. Cultural Landscape and Soviet Habitable Space: Collection of Articles. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 576 p. [In Russian]
11. Mamin-Sibiriyak D. N. 1954. “Krupitchataya”. Mamin-Sibiriyak D. N. Collected Works in 8 Volumes. Vol. 5. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. Accessed on 12 October 2021. http://az.lib.ru/m/maminsibirjak_d/text_0332.shtml [In Russian]
12. Mamin-Sibiriyak D. N. 1958. “Privalov millions”. Mamin-Sibiriyak D. N. Collected Works in 10 Volumes. Vol. 2. Moscow: Pravda. 363 p. Accessed on 12 October 2021. http://az.lib.ru/m/maminsibirjak_d/text_0010.shtml [In Russian]
13. Mamin-Sibiriyak D. N. 1917. “Shtuchka”. Mamin-Sibiriyak D. N. Full Collection of Articles. Vol. 12. Petrograd: Tovarishchestvo A. F. Marks Publishing House. Accessed 12 October 2021. http://az.lib.ru/editors/m/maminsibirjak_d/text_1883_shtuchka_oldorfo.shtml [In Russian]
14. Nekrylova A. F. 1988. Russian Folk City Holidays, Amusements and Shows: The End of the 18th — The Beginning of the 20th Century. Leningrad: Iskusstvo. 215 p. [In Russian].

15. Nosilov K. D. 1898. "Obdorsks's fair and the history of exchange trade in the North of Siberia". *Ural*, no. 312. [In Russian]
16. Nosilov K. D. 1898. "Obdorsks's fair and the history of exchange trade in the North of Siberia". *Ural*, no. 315. [In Russian]
17. Teleshov N. D. 1983. "On three horses". Teleshov N. D. *Stories, Novels, Legends*. Moscow: Sovetskaya Russia. Pp. 34-91. [In Russian]
18. Teleshov N. D. 1897. *For the Urals: From Wanderings in Western Siberia*. Moscow: I. D. Sytin's Partnerships Publishing House. 214 p. Accessed on 12 October 2021. <https://uraloved.ru/starosti/teleshov-i-ego-puteshestvie-po-uralu> [In Russian]
19. Foucault M. 2006. "Other spaces". *Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches and Interviews*. Part 3. Moscow: Praxis. Pp. 191-204. [In Russian]
20. Khitrov A. G. 1872. *On the History of Irbit and the Irbit Fair*. Irbit: A. A. Drobinin Publishing House. [In Russian]
21. *Dictionary of Pseudonyms of Russian Writers, Scientists and Public Figures*. Accessed on 12 October 2021. <http://feb-web.ru/feb/masanov/man/02/man02877.htm> [In Russian]